

© 1998 г. А.К. МАТВЕЕВ

МЕРЯНСКАЯ ТОПОНИМИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ – ФАНТОМ ИЛИ ФЕНОМЕН?

Предположение о том, что на юге Архангельской области в бассейне среднего течения реки Устья (СУ) сохранились реликты мерянской топонимии [Матвеев 1996], вызвало ряд критических замечаний А. Альквист [Альквист 1997]. Эта статья, основанная на новых материалах, продолжает разработку проблемы.

В статье А. Альквист большое внимание уделяется методам топонимических исследований в приложении к мерянской проблематике. В основном они идентичны принципам и приемам, принятым в современной топонимистике. Есть, однако, несколько принципиальных вопросов, на которых следует остановиться.

А. Альквист считает, что первоначально нужно собрать весь топонимический материал вплоть до территорий Северо-Западной и Восточной России [Альквист 1997: 24], а также провести полное археологическое обследование [Там же: 26], и только потом делать обоснованные выводы [Там же: 22–27]. Разумеется, это было бы идеально. Но полный сбор топонимии на всех тех территориях, которые называет А. Альквист, потребует целого легиона собирателей и многих лет нелегкой работы. Трудно даже представить, когда ее можно будет завершить. Опыт полевых работ Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета (СТЭ) показал, что для составления формализованной картотеки только одного административного района (а лишь такие картотеки могут считаться достаточно полными и точными [Матвеев 1985] и, видимо, составление картотек такого рода и имеет в виду А. Альквист), требуется несколько экспедиционных сезонов. Поэтому задержка с обработкой и изучением собранного материала не пойдет на пользу топонимическим исследованиям. И дело здесь не только в том, что почти все собиратели стремятся быть и интерпретаторами, чтобы в результате своей работы видеть не набор загадочных топоформантов и топооснов, а стоящие за ними "понятные" слова и даже людей, которые их употребляли – родственников ныне живущих финнов и предков многих русских. Хотя и это очень важно. Научные исследования имеют обратную связь. Прагматический аспект проблемы состоит, например, в том, что интерпретация позволяет выделить наиболее важные для изучения территории и уделить им первоочередное внимание, чтобы спасти особенно ценный материал.

Трудно реализовать и сформулированное А. Альквист требование, что для "выявления разных слоев субстратной топонимии" необходима "бесшовная и систематическая совместимость языковедческих, а именно топонимических данных с археологическими" [Альквист 1997: 26]: топонимический материал может не сохраниться в такой степени, как археологический (изредка наоборот, если, например, есть точные карты, а местность затоплена), археологические и топонимические ареалы сплошь и рядом не совпадают и т.д.

Способы осуществления топонимического поиска многообразны и зависят от различных обстоятельств. Их не следует фетишизировать и тем более ставить перед собой непосильные задачи. Но автор полностью согласен с А. Альквист в том, что сбор топонимического материала должен быть сейчас на первом месте.

Другая проблема связана с пониманием роли и соотношения формантного и этимоло-

логического методов изучения субстратной топонимии. Формантный метод – важнейший начальный этап топонимического исследования, но его окончательный результат всегда зависит от этимологического анализа названий, если, конечно, он в принципе осуществим (подробности см. [Матвеев 1986: 15–22]). В данном случае, однако, в этой возможности сомневаться нельзя, поскольку общепризнано, что и мерянский язык и субстратная топонимия Русского Севера (РС) принадлежат финно-угорскому языковому континууму.

А. Альквист, анализируя мерянские и предположительно мерянские топонимы, почти все внимание уделяет именно результатам формантного анализа. Указывая, что топонимия так называемых исторических мерянских земель (ИМЗ) многослойна, и поэтому отделять собственно мерянские названия от мерянских только по употреблению очень трудно, А. Альквист подчеркивает, что даже если собственно мерянские топонимические типы удастся выделить (ойконимы на *-бал*, *-бол* и наименования озер на *-Vхра* признаются мерянскими, см. [Альквист 1997: 30]), то невозможно доказать, что мерянскими будут и аналогичные названия на РС. По этой причине нельзя считать, что языковые реликты СУ являются мерянскими, а поскольку ареал *-енгарь* "река", "речка" (СУ) можно трактовать только как мерянский или марийский [Матвеев 1996: 11], его следует считать марийским. Но выделение топоформантов мерянского типа было только начальным этапом нашей работы, который не доказывал, а указывал, что наличие в ИМЗ и на РС комплекса тождественных формантов может быть истолковано как признак существования мерянской топонимии на РС. Все остальные выводы основаны уже на этимологических приемах исследования.

Возражения А. Альквист, напротив, построены почти исключительно на анализе топоформантов и их географии, при этом часто используются единичные факты. Этимологии намного более многочисленных топооснов, которые относятся как к территории ИМЗ, так и СУ [Матвеев 1996: 13–14, 17–19], вообще не рассматриваются, хотя и указывается, что часть из них является спорной [Альквист 1997: 27]. Естественно, некоторые из предложенных этимологий со временем придется уточнить, от других – совсем отказаться, тем не менее именно этимологии основ создают наиболее надежную и доказательную базу при лингвостатистической идентификации топонимического субстрата и в случае их достаточного количества и обоснованности могут дать ответы на поставленные вопросы. Напротив, абсолютизация формантного анализа дает ограниченные результаты и может привести к недоразумениям [Попов 1965: 101–122], и это особенно часто происходит при широких ареальных сравнениях.

Произвольность и неоднозначность выводов, к котором часто приводит формальный метод, давно побуждают искать контрдоводы. Во многом здесь способно помочь картографирование. Важно учитывать смежность территорий, на которых распространены аналогичные форманты или близкие в звуковом отношении их варианты. Продуктивна и такая процедура выявления топоформантов, как интерпретация соотношения больших и малых ареалов (макро- и микроареалов), понимая под первыми общие ареалы близких топоформантов, например, *-бал(а)*, *-бол(а)*, *-нал(а)*, *-пол(а)* и т.п., а под вторыми – ареалы этих же топоформантов (или их группы) по отдельности, например, мерянских ойконимов на *-бал*, *-бол* и т.п. на территории ИМЗ. Проблема эта имеет самое непосредственное отношение к выявлению мерянских топоформантов.

Разумеется, учет возможно более широкого окружения, а следовательно, и распространения близких по типу, потенциально родственных топоформантов и топооснов необходим в начале любого исследования в области субстратной топонимии. Но выделение такого макроареала достаточно условно и является по существу методическим приемом, потому что составляющие его микроареалы могут иметь и разное происхождение. Это и было показано на примере формантов *-бал*, *-нал* и т.п. [Матвеев 1996: 6–7]. В дальнейшем интерпретация топоформантов должна основываться на изучении конкретных микроареалов и их сопоставлении, при этом уже не следует без каких-либо оснований оперировать фактами разных ареалов и тем более смешивать

их. Между тем А. Адьквист предлагает именно макрорегиональный подход для выявления ареалов топоформантов путем "сравнения огромного количества топонимов широкой территории обитания финно-угорских народов (в наше время и в древности)" [Адьквист 1997: 27], что, впрочем, противоречит ее же постулату: "Методом широкого сравнения топонимических компонентов (как субстратных, так и продуктивных) огромных пространств былого и современного расселения финно-угров и специфических особенностей их языков мы можем доказать, главным образом, финно-угорское начало топонимии субстратного происхождения Средней России" [Адьквист 1997: 25].

Ареальные сопоставления формантов без каких-либо региональных ограничений, когда макроареал выходит за рамки ИМЗ и РС (см. [Адьквист 1997: 30]), рискованны, и, если рассматривать возражения А. Адьквист с точки зрения формантно-ареального анализа по микрорегионам, окажется, что многие из них придется снять.

А. Адьквист не сомневается в "мерянничности" и ойконимном характере форманта *-бал*, *-бол* и т.п. [Адьквист 1997: 27] и в существовании близких формантов на РС, приводя вместе с тем еще более далекие (Петербург. губ.) названия *Шибалово*, *Кемполово*, *Калбола*, *Кимбола*. Но насколько эти факты частотны для Северо-Запада, не относятся ли они к прибалтийско-финской топонимии на *-la*, можно ли вообще здесь говорить об ареале *-бал*, *-бол*? Даже если в этом случае мы имеем дело с продолжением ареала *-бал*, *-бол* и т.п. в северо-западном направлении, ничто не препятствует сопоставлению соответствующих мерянских названий ИМЗ с аналогичными наименованиями на смежных территориях РС, поскольку севернорусские названия могут рассматриваться как прямое продолжение мерянского ареала (см. карту).

Единичные факты на уровне формантов редко убеждают. Так, еще А.И. Попов подметил, что «есть в марийских местных названиях и кажущийся "суффикс" "-бал": Ширимбал, Инерымбал,... Куншумбал и другие в этом роде. Здесь этот "суффикс" не "-бал", а "-умбал", "-ымбал"» [Попов 1974: 25]. Однако эта модель марийских ойконимов (см. [В.В. Кузнецов 1982, 1985]) по фонетическим критериям вообще не устанавливается в основе мерянских (ИМЗ) или севернорусских названий на *-бал*, *-бол* и т.п. Тем не менее А. Адьквист не исключает, что нечто подобное марийскому *умбал* "верх", "поверхность" можно видеть в названии *Шурамбала* [Адьквист 1997: 28]. Но среднеустьянские названия *Кубало*, *Обало*, *Солобало*, *Сорбало* нельзя возводить к марийск. *умбал* (как и аналогичные названия на территории ИМЗ), тем более что для этого как минимум необходима ситуация смежности с однокоренным названием реки, озера или другого объекта. Однако налицо все-таки *Яхробол*, а не **Яхрумбал* (**Яхрымбал*) и *Сорбал(о)*, а не **Сорумбало* (**Сорымбало*). К тому же единственное в своем роде для РС название *Шурамбала* находится близ озера Лача за сотни километров от бассейна Устья и независимо от того марийское ли оно (*Шур-амбала*), мерянское (*Шурам-бала*) или еще какое-нибудь (а это вполне возможно), к среднеустьянскому региону никакого отношения не имеет и не способствует решению проблемы. Пример марийск. *Вончумбал* – русск. *Вонжеполь* [Галкин 1991: 44; Адьквист 1997: 28], конечно, интересен, но в нем легко узнается воздействие народной этимологии, а именно русской топонимической модели на *-поль* [Галкин 1991: 44], характерной как для собственно русской топонимии (*Чистое поле* > *Чистополь*), так и для адаптированных субстратных названий на РС (*Едополь*, *Каргополь*)¹. Народная этимология к русскому *поле*, распространение полукалек в названиях полей (ср. еще *Мечполе*, *Нукополе*; *Никополь*, *Шайполь*; *Карьеполье*, *Кузополье*) и упрощение консонантных групп на стыке основы и форманта совершенно затемняют картину. Поэтому при отсутствии марийской или другой языковой параллели невозможно решить, что скрыто в топоформанте – исконно русское слово *поле* (> *поль*) или переосмысленный

¹ В ряде случаев здесь нельзя исключить и прибалтийско-финский источник. ср. карел. *tagapuoli* "задняя сторона", вепс. *randpol* "место у берега".

субстратный географический термин. Следовательно, названия на *-поль*, независимо от их истинного происхождения и потенциальной генетической связи с группой формантов *-бал*, *-бол*, *-пал*, *-пол* и т.п., пока не следует причислять к последним, тем более что имеется такой формальный различитель как *л-л'* в ауслауте. Сказанное *mutatis mutandis* относится и к названиям *Кимбола*, *Кимбала* (см. [Альквист 1997: 28; Галкин 1991: 65]), которые независимо от своего происхождения также не могут пролить свет на генезис среднеустьянских топонимов на *-бал(о)*, поскольку среди тех нет образований с носовым перед формантом.

Изучение материала по микрорегионам, конечно, далеко не всегда приводит к определенному результату: сравнивая мерянские (ИМЗ) формы типа *Киболо*, *Пужболо*, с аналогичными *Кубало*, *Солобало* (СУ), нельзя решить вопрос о том, какой вид топорформант имел в языке-источнике, поскольку здесь очевидно воздействие русской морфологической адаптации, отраженное уже в ранних документах (река *Онега* – озеро *Онего*, река *Пинега* – город *Пинежь* и т.п.). Только в данном случае адаптация происходит не к слову *озеро*, а к слову *село*, (*по*)селение. А. Альквист приводит варианты названия села *Деболовское* – *Дёбол*, *Дёбола* и *Дёболы* [Альквист 1997: 28]. На средней Устье деревня *Кубало* именовалась также *Кубал* и *Кубала*, а текущий близ нее ручей *Кубал* – *Кубала* и *Кубало*. Здесь налицо и русская фонетико-морфологическая адаптация и смешение форм.

А. Альквист, апеллируя к формам типа *Киболо*, *Пужболо*, считает недостоверным вывод о преобладании у мерянских названий консонантных окончаний [Альквист 1997: 28]. В подобной ситуации, которую создает русское освоение, ответ можно найти только в исторических источниках, указывающих как раз на преобладание консонантных окончаний, ср. в документах XV–XVI вв.: "что их села в Суздальском Шухобал..." [Акты... 1952: 225], "да луг на реке на Шекстне Шашпал" [Акты... 1952: 582] и т.п. Русская адаптация, однако, не всегда имеет императивный характер. Она зависит от множества факторов, в том числе не только фонетико-морфологических и хронологических, но и, например, от языковых традиций (моды) на данной территории. Тем не менее отряд СТЭ, работавший в районе Яхробольского озера, многократно зафиксировал названия селений *Шачебол* и *Яхробол* исключительно в этой форме.

При учете адаптации сопоставления по микрорегионам иногда позволяют избежать слишком смелых сравнений. Выделяя формант *-важ* или *-вож* "приток", можно вполне допустить мену *в-б-м-п* в интервокальный позиции и особенно на стыке морфем, однако в сильном анлаутном положении в русском языке обычна только замена звонких **v, *w* на звонкие *в, б*. Субституция **v, *w > п* в русском языке не наблюдается (ср. [Kalima 1919: 45–46; 1927: 11]). Поэтому единичные примеры вроде *Паши* и *Козопаша*² на территории Петербургской губернии или *Паиш*, *Паиша* в Перми (?) ничего не доказывают. Гидроним *Паиша* нельзя сопоставить с *-важ* еще и потому, что переход **ʒ > ш* в интервокальной позиции на русской почве трудно представить, предполагать же во всех этих случаях какое-то "оглушающее" посредство некоего промежуточного языка невозможно без очень солидной аргументации. Наконец, надо иметь в виду, что в марийском языке финно-угорское **w* устойчиво, а внутри слова *w* появляется на месте **p* [Грузов 1969: 148–150], и это к рассматриваемому случаю не имеет отношения.

Новые разыскания показали, что в самом сердце ИМЗ на территории Ярославской области речной термин *вож* "приток" в самостоятельном топонимическом употреблении

² *Козо* – вполне может быть редким, но все же встречающимся в субстратной топонимии случаем препозитивного определения, ср. на РС *Шереньга* и *Вашиереньга* и особенно *Сима* – *Ильсима*, *Вама* – *Ильвама*, *Шонтас* – *Виллионтасная* (речка), где топонимы с препозитивным *иль-*, *выл-* прилагаются к верховьям рек, что подтверждает их связь с финно-угорской основой, засвидетельствованной фин. *ylä-* "верхний", и коррелятивными с ним морд. *vel-*, марийск. *wäl-*, коми. *vil* [SKES, 1859–1861; Матвеев 1974: 257]. Атрибутив *выл-* в названии *Виллионтасная* (басс. Сухоны) точно соответствует марийск. *wäl-* и должен рассматриваться как мерянизм.

отмечен три раза в форме *Вожа* (по русской адаптации к *вода, река*) в названиях притоков Колокши, Ухры и Юхоти. Таким образом, этот географический термин не столь уж редок в мерянских землях, причем он точно отвечает всем звуковым нормам в отличие от территориально удаленных и фонетически аномальных *Паши* и *Паши*.

А. Альквист предпочитает связывать мерянские названия на *-бож*, *-бажа* и т.п. не с территориально близким марийским *-важ*, *-вож* "корень", а с коми *вож* "приток". Но у этих слов одна исходная семантика – "ветвь" ("корень" тоже "ветвь", только подземная) > "разветвление", "развилка", затем "исток", "приток", причем и в марийской топонимии названия такого рода обычны, ср. *Аржеваж* "Источник Аржи", *Кожвож* "Еловый источник", *Шимваж* "Черный источник" и т.п. (см. [Галкин 1991: 35, 58, 134])³. Этимологи пока расходятся во мнении, родственны ли пермское и марийское слово или относятся к разным корням (подробности см. [Гордеев 1983: 12–15; Лыткин, Гуляев 1970: 60, 69–70]), но, благодаря общей семантике и обоюдному употреблению в топонимии, они равно могут быть связаны с мерянским словом. Его можно генетически объединить с любым из этих источников по отдельности и с обоими вместе, если они родственны, что, все же, наиболее вероятно.

Рассматривая мерянские топоформанты в соответствии с методикой выделения микрорегионов, нельзя не обратить внимание на характерное для А. Альквист стремление учитывать при решении мерянской проблемы прежде всего топонимию центральной (ярославской) мери. В этом отношении показательно попытка "сдвинуть" на ареальную периферию озерные названия с формантами *-V* + *хра*, *-V* + *хро*, которые отнесены к среднему и нижнему течению Оки и нижнему течению Клязьмы [Альквист 1997: 29]. Это не точно, поскольку такие названия есть по Клязьме и выше Владимира (*Исихра*, *Суехра*), а для бассейна Оки характерны наименования на *-рха*, *-рхи* и т.п., тяготеющие к мордовским и близким к ним источникам. На ярославской территории мерянское *яхр* "озеро" действительно встречается реже, что обусловлено физико-географическими условиями: здесь вообще мало озер, а наиболее значительные из них назывались другим словом (ср. *Неро*). Тем не менее и А. Альквист приводит ряд названий ярославских озер с элементом *яхр*, среди которых, однако, ошибочно фигурируют наименование покоса *Харило*, связанное с древнерусским ономастиком (в документе 1571 г. упоминается подъячий Третьяк Иванов *Харилов* [Веселовский 1974: 337], и ойконим *Шугарь* (ср. марийск. *шугар* "кладбище", "могила").

В то же время попытку А. Альквист показать, что на территории центральной мери функционировали в б о л ь ш о м количестве названия озер на *-ер(о)*, *-ор(о)* [Альквист 1997: 29], трудно признать удачной. Наименование озера *Неро* к ним не относится [Матвеев 1978], предположение о том, что в названии реки *Которосль* содержится лимноним **Которо*, является трудно доказуемым конструктом, название *Сеяр*, извлеченное из документа 1562 г., может и не быть лимнонимом и в статье А. Альквист сопровождается знаком вопроса. Относить же к озерным названиям ойконимы *Кустерь*, *Инеры*, *Нажеровка*, *Чучеры* и т.п. в соответствии с географическим критерием, надежность которого особо подчеркивается [Альквист 1997: 26], можно только при условии, что рядом с населенными пунктами находятся (или находились) озера. А. Альквист не дает разъяснений на этот счет, а на доступных нам картах озера не показаны. А. Альквист не уточняет, какому этносу могли принадлежать предполагаемые лимнонимы на *-ер(о)*, *-ор(о)* (но ср. фин. *järvi* и марийск. *jer* "озеро"). В любом случае пока у нас нет серьезных оснований для вывода о том, что в диалекте центральной мери был топоформант *ер* "озеро"⁴, что объяснимо, если помнить об озерных названиях со словом *яхр*.

³ И. С. Галкин предпочитает переводить марийск. *важ*, *вож* на русский язык словом *источник* [Галкин 1991: 129–130].

⁴ Этот формант, может быть, содержится в топониме *Мстера*, на наш взгляд, прибалтийско-финском. Карельские и вепские названия озер в русском языке часто имеют детерминант *-ер(о)*, *-ор(о)*.

В конечном счете А. Альквист все-таки признает, что формант *-V + хра* наряду с *-бал*, *-бол* и т.п., является типичным для ИМЗ, тогда как *-бож* (см. выше), *-ингирь* и *-кур(а)*, *-курга* считаются редкими и нетипичными.

География форманта *-ингирь* обусловлена прежде всего особенностями функционирования мерянского языка, который, будучи распространенным на огромной территории современной Владимирской, Ивановской, Ярославской, частично Костромской и Московской областей (а по нашим предположениям и севернее), мог существовать только в диалектной форме (ср. [Попов 1974: 16]). Между тем, как уже было сказано, А. Альквист в своем анализе основывается почти исключительно на топонимии центральных мерянских земель – Ярославщины (районов озер Неро и Плещеево в первую очередь). Здесь действительно формант *-ингирь* пока не засвидетельствован, но во Владимирской и особенно Костромской областях он встречается достаточно часто (до 20 фиксаций). Если рассматривать распространение этого форманта с микро-региональной точки зрения, оказывается, что на северо-востоке и востоке ИМЗ он не так уж редок.

А.И. Попов, за которым следует А. Альквист (см. [Попов 1974: 24–27; Альквист 1997: 30–31]) считает формант *-ингирь* на территории ИМЗ поздним марийским наслоением. При единственной альтернативе (мерянский или марийский) и практически недифференцирующем характере мерянского *-ингирь* и марийского *эгер* дискуссия на эту тему кажется бесперспективной. Но все-таки заметим, что, во-первых, о скольконибудь значительном марийском населении в бассейнах Костромы и Унжи, то есть в западной части Костромского края (КК) четких сведений нет (они имеются о более восточных ветлужских мари), напротив, такие сведения есть о костромской мере, во-вторых, в западной части КК высокочастотна типичная мерянская топонимия (*Кужбал*, *Яхромша* и т.п.), но нет следов собственно марийской топонимии, в-третьих, зафиксированные в КК сложные названия с *-ингирь* находят соответствия в мерянском материале, ср. *Ухтынгирь* и *Ухтубуж* (КК). Отсюда следует, что связь названий на *-ингирь* (ИМЗ) и *-енгарь* (СУ) вполне возможна. Справедливость требует отметить, что и А. Альквист все же не исключает "возможное наличие данного географического термина, например, в северных и восточных диалектах мерянского языка" [Альквист 1997: 31].

Мерянские диалекты, видимо, разошлись достаточно далеко. Естественно, что ограниченный ареал содержит и меньше фактов. Лингвист должен сожалеть о том, что утрачено, но вынужден довольствоваться тем, что есть. Поэтому редкость и, следовательно, нетипичность⁵ формантов, на которые указывает А. Альквист, совсем не основание не учитывать их при сопоставлениях. И даже, напротив, иногда именно редкий формант, особенно при его своеобразии, позволяет установить закономерные ареальные связи. Таковы, например, костромские и среднеустьянские названия рек на *-курга*, которые не засвидетельствованы в других местах (вопреки [Альквист 1997: 32]). Чтобы отделить их друг от друга, А. Альквист была вынуждена прибегнуть к произвольному членению форманта *-курга* на элементы *кур* и *га* < речной суффикс *-Vga* [Альквист 1997: 29]. Между тем, наличие "речного суффикса" *-га* после твердого согласного очень проблематично, поскольку финно-угорское обозначение реки (фин. *joki*, коми *ju* и т.п.) имеет в анлауте *j*, который при освоении, как правило, смягчает предшествующий согласный и создает условия для ассимиляционных процессов.

Система доказательств в предшествующей статье [Матвеев 1996] была построена не только на анализе формантов, которые рассматривала А. Альквист, но и на сопоставлении и этимологизации основ, сведениях о переносе названий, а также некоторых наблюдениях из области исторической фонетики, свидетельствовавших об эволюции

⁵ Вообще-то редкость и нетипичность отнюдь не одно и то же: типичные форманты и основы в некоторых частях ареала могут быть и редкими.

древнего мерянского состояния (ИМЗ) по направлению к позднемерянскому (СУ), во многом общему с марийским. Таким образом, в основе построения находился целый комплекс соответствовавших друг другу фактов.

Отвергнув в основном результаты нашего анализа формантов и обойдя вопрос о марийско-мерянских этимологиях основ, А. Альквист скептически оценивает и перенесенную на СУ триаду топонимов *Ростово* – *Устья* – *Которосль*, указывая, что *Ростово*, *Устья* и даже *Которосль* – часто встречающиеся названия и поэтому не могут свидетельствовать о связи СУ с ИМЗ [Альквист 1997: 33–34]. Действительно, по отдельности *Ростово* и *Устья* фиксируются очень часто, но другие случаи их совместного употребления нам неизвестны, а очень редкий гидроним *Которосль*⁶ придает этой триаде еще большую доказательную силу⁷: СУ явно заселялась переселенцами из ИМЗ и прежде всего из ростовского региона, но это совсем не означает, что не было и других переселенческих потоков, в частности из костромских мест.

А. Альквист не признает и тот очевидный по фонетическим признакам факт, что топонимия СУ намного моложе (ориентировочно XIII–XVI вв.), чем топонимия ИМЗ (во всяком случае до X в.). Независимо от того, считать ли топонимию СУ позднемерянской, как полагает автор, или марийской, как А. Альквист, фонетическая эволюция могла происходить только в направлении **ki* > **kü* (**kibal* > **kübal*) и **jäxr* > *jär*, *jër*, но не наоборот [Матвеев 1996: 13], а это означает, например, что форма *Кибол(о)* в ИМЗ древнее формы *Кубал(о)* на СУ.

Неизвестно, какие процессы произошли бы в мерянском языке ИМЗ, если бы он продолжал свое историческое развитие. Мы располагаем только его древними формами, окостеневшими и переработанными русским языком (**ki*, **jäxr* > *ku*, *яxp*), а также эволюционировавшими формами на СУ. Но тогда какой смысл в рассуждениях А. Альквист о том, что "о марийско-подобной лабиализации ... топонимия бывшей мерянской территории не свидетельствует", и о том, как могли сохраниться формы *Кибол* и *Кибож* в ИМЗ, если предположить переход мерянского **i* > **ü* [Альквист 1997: 32]?

Эта антикритика, надеемся, снимет ряд возражений А. Альквист, но она не усиливает аргументацию в целом. Напротив, новые материалы способны многое изменить и прояснить в интерпретации ранее опубликованных фактов, хотя одновременно порождают и сложные проблемы.

В предшествующей статье [Матвеев 1996] автор ограничивался рамками ареала *-енгарь* (СУ), полагая, что это обеспечит известную строгость ареального подхода, хотя уже знал, что на смежных территориях бассейнов Устья, Кокшеньги, Ваги также встречаются языковые факты, которые могут быть интерпретированы как мерянские. Были учтены и свидетельства других исследователей: фиксация А.И. Поповым в письменных источниках мерянского названия *Вёкса* в бассейне Вологды [Попов 1965: 89], наблюдения А.В. Кузнецова [А.В. Кузнецов 1991] и статья А. Альквист о загадочных Мирских⁸ и Синих камнях Ярославского края [Альквист 1995].

Уже А.И. Попов указывал, что *вёкса* "сток озера" (в гидронимии *Вёкса*) – мерянский индикатор [Попов 1965: 89–90]. С ним солидаризируется и А. Альквист, считающая этот географический термин одним из надежно доказанных мерянизмов [Альквист 1997: 26, 31]. Об этом написано и в одной из наших работ [Матвеев 1974]. Материалы картотеки СТЭ подтвердили существование р. Вёкса, соединяющей оз. Большой Лоск из группы Молотовских озер с р. Вологда (у А.И. Попова озеро назы-

⁶ А. Альквист считает название *Которосль* (< *Которость*) домерянским [Альквист 1997: 34], но это к решаемому вопросу отношения не имеет, так как оно было мерянским по употреблению.

⁷ Заметим, что этнограф Т.А. Бернштам давно связала северные названия типа *Ростово* ("ростовщины") и *Устья* с ярославскими *Ростов* и *Устье* [Бернштам 1973: 262, 265, 305].

⁸ *Мирские Камни*, интерпретируемые, правда, не без сомнения, А. Альквист как *Мерские* (т.е. мерянские) *Камни* [Альквист 1996] на РС пока не обнаружены.

вается Масатовским), но важнее, что в вологодских местах была обнаружена еще одна *Вёкса*, пролив, соединяющий оз. Токшинское с оз. Кубенским (см. карту).

Поиск *Синих Камней* в картотеке СТЭ тоже принес результаты (см. карту). В пределах СУ было обнаружено 6 *Синих Камней* (ранее сообщалось о 5), а в непосредственной близости от этого микрорегиона в бассейнах Кокшеньги, Ваги и Вели еще 7. Эти 13 названий явно образуют одну общую зону. На остальном РС обнаружено пока только 9 *Синих Камней*, рассредоточенных по всей его огромной территории (по одному в Няндомском, Онежском, Пинежском, Шенкурском районах Арханг. обл. и в Белозерском, Великоустюгском, Грязовецком, Кичменгско-Городецком и Усть-Кубинском районах Вологод. обл.). Конечно, такая концентрация *Синих Камней* в Важско-Устьянском микрорегионе не может быть случайной: она по своей плотности сопоставима с *Синими Камнями* примерно такой же по площади территории Ростовского и Переславльского районов Ярославской области (по данным А. Альквист – 14 названий), при этом на других среднерусских территориях скопления *Синих Камней* пока не обнаружены [Альквист 1997: 34]. В свете всего сказанного *Синие Камни* Ярославского края и Важско-Устьянского региона могут быть однозначно интерпретированы как своеобразные мерянские индикаторы русского происхождения (может быть, древние кальки), указывающие наряду с перенесенными названиями *Ростово*, *Устья*, *Которосль* на переселение части ярославских (скорее всего, ростовских) мерян из ИМЗ на РС. Разумеется, даже среди важско-устьянских *Синих Камней* (как и среди ярославских) могут быть и чисто "цветовые", и это тем более относится ко всем другим *Синим Камням* РС. В то же время есть некоторые основания полагать, что ближайшие к важско-устьянским *Синие Камни* (Няндомский, Шенкурский, Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий, а с учетом названий *Вёкса* близ Вологды также Усть-Кубинский, Грязовецкий и, возможно, Белозерский) могут быть связаны с мерянами. Но это уже трудно доказать, за исключением Усть-Кубинского *Синего Камня*, который находится между двумя вологодскими *Вёксами*.

Предположение о существовании вологодской группы мери, выдвинутое по индикаторам *Вёкса* (2 названия) и *Синий Камень* (находится на берегу Кубенского озера), привело к выявлению новой группы названий на *-бал*, *-бол* в районе Кубенского озера (см. карту), которые соответственно должны интерпретироваться как мерянские (*Вохтоболка*, *Нёнбал*, *Сомбалка*) и ряду новых мерянских этимологий на "марийской" почве для физико-географических объектов, ср. река *Кубена* (озеро *Кубенское*) и марийск. *куп* "болото", *купан* "болотистый" (берега Кубенского озера сильно заболочены), или *кў* "камень", *кўан* "каменистый" (в этом случае основа **kiw-* "камень", претерпевая "марийскую" лабиализацию **i > ѝ* перед **w*, сохраняет согласный билабиальный звук, который русским языком был воспринят как *б*, хотя пока нельзя отрицать и **w > *b* в языке-источнике; укажем ещё на интересное свидетельство начала XVIII в.: "на Кубенском озере монастырь Каменной" [КБЧ 1950: 166]), *Туровские горы* и марийск. *тўр* "край", *куп тўр* "край болота" (эти горы расположены вдоль Кубенского озера, окаймляя его болотистые берега), проток *Пельма* и марийск. *пел*, *пеле* "половина" (проток делит на две равные части дельту Кубены). Сюда же может быть следует отнести и название р. *Вологда* (ср. марийск. *волгыдо* "светлый"), а также наименование многочисленных протоков *Пучкас* (есть и географический термин *пучкас* "проток", "пролив"), сопоставляемых с марийск. *пуч* "ствол", "стебель", "труба", фин. *putki* "труба", ствол", морд. *почко* "цевка", "стержень" (подробности см. [SKES: 661–662]), ср. русск. *труба* "рукав", "проток", *речная труба* "русло меженное" [Даль IV: 435], ср. ещё: *Ачево*, д. и р. – марийск. *ача* "отец"; *Вондаж*, р. и *Вондож*, бол. – *вондо* "куст"; *Илешка*, р. – *ильше* "житель"; *Кубовка*, р. – *кў* (< **kīw-* "камень"); *Лапач*, р. – *лап*, *лапем* "низина", "низкий"; *Лыбас* (*Ключевой Лыбас* и *Грязной Лыбас*), сырые луга на берегу реки – *лыте* "заводь", "залив"; *Неюг* (*Нейг*), р. – *ний* "лыко" + мерянск.

юг "река" (марийск. *йогы* "течение", "поток"); *Тумас*, выгон – *тум, тумо* "дуб"; *Ших*, луг – *шига* "леший"; *Шола*, луг – *шоло* "вяз".

Таким образом, основываясь на принципе выделения микрорегионов и используя уже апробированные критерии (мерянские индикаторы), можно прийти к выводу о существовании гнезда мерянской топонимии в районе Кубенского озера, верховой Сухоны и Вологды, свидетельствующего о пребывании там в неуставленное пока время (если *Кубена* и *Кубовка* отражают **kiw*- > **küw*-, то уже после "марийской" лабиализации) группы мерян, которых условно можно назвать вологодскими.

В Важско-Устьянском микрорегионе (в дальнейшем ВП – Верхнее Поважье) названия *Вёкса* пока не зафиксированы и, скорее всего, их обнаружить и не удастся, так как здесь очень мало озер и озерных стоков. Опираясь, однако, на другой индикатор – *Синие Камни* – поиски мерянских названий были продолжены и в ВП за пределами СУ. В окружении трех *Синих Камней* оказалось село *Сарбала* к ЮЗ от региона СУ (и недалеко от села *Ростово*). Два *Синих Камня* указали на деревню *Вожбола* на реке Вага, название которой легко интерпретируется на мерянской почве как "Деревня (*бол*) на притоке (*вож*)". Кроме того, в бассейне верхней Ваги было обнаружено второе название *Вожбола* (урочище) и ойконим *Кушпал* (ср. *Кужбал* в КК). Наконец, еще для одного названия *Вожбал* (уже третьего!), обозначающего населенный пункт и реку в Тотемском районе Вологодской области, предложил ту же самую этимологию (*вож* + *бал*) А.В. Кузнецов [А.В. Кузнецов 1991: 91–93]. Он же относит к мерянским и тотемское название *Сомбал*, которое следует отличать от кубенского *Сомбалка*. Кроме того, выше по Устье был выявлен ойконим *Вороспало*, ниже по Ваге топонимы *Курнополы*, *Райбола*, *Рамболка*, *Торопало* (марийск. *тора* "дальний"), а юго-восточнее Вологды название населенного пункта *Юмбалово* (марийск. *юмо* "бог", "божий"). В результате наметился своего рода "пояс" предположительно мерянских ойконимов на *-бал*, *-бол* и т.п., идущий с северо-востока от ВП к Кубенскому озеру (см. карту) и смыкающийся на юге с аналогичными костромскими (*Кужбал*, *Ружбал*), а на юго-западе – с ярославскими названиями. Смежность с ИМЗ является дополнительным аргументом в пользу их мерянского происхождения.

Наиболее перспективен для поисков мерянского субстрата кроме района Кубенского озера все же северо-восточный угол этого "пояса", очерченный плотной зоной *Синих Камней* (см. карту), так как в промежутке между Вагой, Сухоней и Кубеной, кроме указанных А.В. Кузнецовым топонимов *Вожбал* и *Сомбал*, других предположительных мерянизмов пока не обнаружено, кроме *Выльшонтасная* (см. выше).

Между тем, в ВП (включая СУ) выявлены и новые факты. Большой интерес представляет, в частности, название *Едьма* – два села (СУ и Шенкурский район Арханг. обл.), а также 16 различных угодий, ареал которого в целом совпадает с зоной *Синих Камней* в ВП (см. карту). Слово это примечательно прежде всего в том отношении, что оно на РС нигде больше не прослеживается, отличаясь по своему звуковому облику от широко распространенного *едома* с его богатейшей семантикой, связанной с обозначением различных видов местности ("возвышенность", "высокий берег", "лесная глушь", "отдаленная местность" и т.п. [СРНГ 1972: 323]). Будучи несомненным географическим термином, оно тем не менее отсутствует в местной лексике. М. Фасмер считает фонетически близкое *едма* неясным словом [Фасмер, 2: 9]. Слово **едьма* не фиксируется в словарях древнерусского языка, нет его и в СРНГ. Все это в сочетании с совпадением ареалов *Едьма* и *Синий Камень* позволяет обратиться к мерянским и марийским источникам.

Прежде всего, естественно, возникает предположение, что это слово родственно мерянскому топоформанту *-edom*, *-odom*, обозначавшему, согласно А.И. Попову, какой-то вид угодья или поселения [Попов 1974: 19–20], ср. *Шельшедом*, *Шушкодом* в ИМЗ, а также *Леждом* на р. *Лежа* на крайнем юге Вологодской области. Это предположение

подтверждается и названиями двух сел *Едьма* в ВП. Трудность, однако, в том, что в мерянских словах твердое *д*, а в ВП *д'*. Кроме того, все многочисленные названия урочищ *Едьма*, как правило, находящихся близ населенных пунктов, невозможно возвести к обозначению поселений. И, наконец, что очень существенно: для названий урочищ, которые прилагаются исключительно к близлежащим полям и лугам, характерна также параллельная форма *Идьма*, которая иногда даже вытесняет *Едьма*. Это позволяет предположить, что в названиях урочищ источником могло быть мерянское слово, родственное марийск. *идым* "гумно, ток", которое известно также в удмуртском языке и считается тюркским заимствованием, ср. чуваш. *йётем* "гумно" (подробнее см. [Raasonen 1948: 21]). Учитывая, что для названий сел *Едьма* ни разу не засвидетельствован вариант *Идьма*, можно допустить, что произошла звуковая контаминация двух фонетически близких слов с забытой семантикой. Детали этого процесса восстановить трудно, но, видимо, широко употребительные ойконимы воздействовали на менее известные названия урочищ. При этом нельзя исключить, что названия как сел, так и урочищ восходят к одному общему мерянскому источнику, семантику которого еще предстоит уточнить, а фонетические различия (*е* – *и*) возникли уже на почве русских диалектов. Так или иначе, выбор невелик: перед нами одно или два мерянских слова.

С территорией ВП совпадает и северная часть примечательного ареала субстратной топоосновы *вохт-* (*Вохтоболка*, *Вохтога*, *Вохтома* и т.п.), простирающегося вплоть до территории вологодской мери и связывающего мерянскую зону РС с костромской (см. карту). Судя по названиям *Вохтоболка* и *Вёкса*, которые находятся в пределах этого ареала, по крайней мере часть топонимов с основой *вохт-* могут оказаться мерянскими по происхождению, и все – по употреблению. Значение основы *вохт-* до сих пор точно не установлено (предлагаются "проток, волок", "медведь"), но она наряду с коррелятивными основами *бохт-* (< *вохт-*), *охт-* и *ухт-* относится к числу самых распространенных на РС. Логично предположить, что начальное *в-*, которое затем в ряде случаев перешло в *б-*, представляет собой протетический звук перед *о*, а это в свою очередь объясняет возникновение начального *в-* в гидронимах *Вёкса*, поскольку и здесь могла появиться протеза (ср. марийск. *икса* "залив, пролив"). Это явление перед начальным гласным встречается и в марийском языке [Грузов 1964: 230–231].

Все выявленные в зоне ВП ареалы (*Синие Камни*, *Едьма*, *Вохт-*) совпадают в основных чертах с границами так называемых Устьянских волостей XVI–XVII вв., выделяемых Московским государством как особая административная единица Поморья, наряду с 14 уездами, заонежскими, лопскими погостами и Чарондской округой [Васильев 1979: 24–26]. Создание особой административной территории свидетельствовало о том, что в это время здесь еще проживало нерусское население или по крайней мере сохранялась память о нем. Поэтому можно отнести верхний предел существования важско-устьянской мери в ВП к XV–XVI вв.

В зоне ВП (за пределами СУ) также выявлен ряд предположительно мерянских топонимов, которые этимологизируются при помощи марийского языка: *Воштар*, р. – марийск. *ваштар* "клен" (*а > о* на русской почве) или *ваштыр*, *воштыр* "прут, лоза"; *Илукушное*, бол. – *иле* "влажный, сырой", *куж* "поляна" [Иванов 1978: 17; Галкин 1991: 140]; *Куваж*, (руч. два гидронима) – *кү* "камень", *важ* "исток" (еще один *Куваж* есть в регионе СУ); *Мекшевица*, р. ~ *мекш* "гнилушка", *мекшан* "гнилой"; *Оковерь*, поле – марийский антропоним *Ока*, *вер* "место"; *Пиева*, рчк. – *пий* "собака"; *Пинежка*, рчк. – *пинега* "щенок" (близ самого устья в речку впадает руч. *Собачий*⁹);

⁹ Эта этимология вынуждает вернуться к курьёзному, казалось бы, предположению, что и большой приток Сев. Двины *Пинега* все-таки просто "щенок" по сравнению с ней. В дальнейшем образное название волжских финнов могло быть переосмыслено прибалтийскими финнами как *Pieni jogi* "Маленькая река".

Пунжер, остров, леса в болоте – *пўнчер* "сосняк" (при основе *печ-* в других диалектах см. [Матвеев 1996: 18]), *Пуя*, р. – *пўя* "пруд, плотина" (река протекает через озеро); *Пырапацкий*, руч. – *пырыспоч* "головка камыша" (дословно "кошачий хвост"); *Рожева*, рчк. – *рож* "дыра, нора"; *Рушева*, р. и *Рушкова*, уроч. рядом с д. *Рушановской* – *руш* "русский"; *Сужога*, р. – *сузо* "глухарь"; *Чингаш*, руч. – *чинга* "мелкослойное дерево"; *Шакиа*, р. – *шакиие* "противный, отвратительный"; *Шокиа*, р. – *шоки* "рукав (реки)"; *Шукиа*, р. – *шуки* "червяк" и др.

Следует признать, что эта серия названий этимологически еще больше сходна с собственно марийскими наименованиями, чем топонимы СУ.

Как же объяснить все эти факты, особенно если учесть, что СУ – часть ВП и что несколько юго-восточнее "мерянского" треугольника СУ, т.е. уже в пределах ВП, жители двух смежных сел Дмитриево и Кырканда до сих пор имеют коллективное прозвище *черемисы*?

Мы далеки от отождествления мери и мари (черемисов), хотя и считаем марийцев наиболее близким к мере финно-угорским народом. Вместе с тем необыкновенно быстрое исчезновение мери со страниц русских летописей вполне могло быть связано не только с быстрым обрусением этого народа¹⁰, но и с перенесением на ассимилируемых мерян наименования этнически и лингвистически наиболее близкого и притом территориально смежного народа – *черемисов*. В те времена такие переносы были очень распространены. Достаточно вспомнить *зырян* (см. [Матвеев 1984]), *остяков*, *татар*. А фонетическая близость этнонимов *меря* и *мари* (безотносительно к тому, являются ли эти имена вариантами одного слова или нет) могла способствовать переносу этнического названия *черемисы* и на мерян.

Но в пределах зоны ВП всё обстояло иначе. В свое время нами была поддержана старая этимология А.И. Шёгрена, связывающего этноним *зырянин* с фин. *syryjä* "сторона", "край" [Матвеев 1984], а также было высказано предположение, что первоначально *зырью* именовалась какая-то часть Чуди Заволочской, с которой это этническое наименование было со временем перенесено на более восточное пермское население – коми-зырян. Там же указывалось, что слово *зырь* до сих пор употребляется в качестве коллективного прозвища жителей некоторых старожильческих русских деревень в бассейне Ваги и ее притоков – Вели, Пуи, Устья и др. Как нам тогда представлялось, носители этого этнонима говорили на каком-то языке прибалтийско-финско-саамского типа.

Картографирование ойконимов, обозначающих населенные пункты, жители которых до сих пор именуются *зырью*, *зырянами*, принесло неожиданный результат: все 30 таких названий (см. карту) оказались в зоне наименований *Синие Камни*, *Едьма* и северной части ареала *во-*, *бо-*, т.е. в пределах ВП, включая также СУ с гидронимами на *енгарь* и *-курга*, где зафиксировано 13 из этих ойконимов.

Отсюда следует, что население зоны ВП, включая СУ (иначе говоря, древних Устьянских волостей), уже в период контакта с русскими (а коллективные прозвища могли возникнуть только в таких условиях) именовалось *зырью*, *зырянами*. Это объясняет, почему в микрорегионе ВП не встречаются названия, производные от этнонима *меря*: на поздних мерянских мигрантов был перенесен внешний этноним *зырь*. Как сами они себя называли, вряд ли удастся установить. Открытым пока остается и вопрос о бывшей этнической принадлежности носителей коллективного прозвища *черемисы*, проживающих в селах Дмитриево и Кырканда.

Можно, однако, предположить, что употребление нескольких этнонимов в одном значении обусловлено этнической неоднородностью самой мери. Как известно, имя этого народа впервые упоминается в памятнике VI в. (Merens). Ко времени прихода

¹⁰ Скорость процесса обрусения мери, пожалуй, несколько преувеличивается: уже многое указывает на то, что в глухих местах вроде Устьянских волостей меря держалась долго.

славян мера занимала обширные территории, более значительные, чем вместе взятые современные республики Мари Эл, Мордовия и Чувашия. Поэтому есть основания думать, что за столетия, истекшие с VI в., и мера включила в свой состав различные этнические образования, пусть даже все они были финно-угорскими. Следствием этого, а не только развития диалектных особенностей, и могли стать те значительные внутренние различия в мерянской субстратной топонимии, с которыми встречаются исследователи. Поэтому стремление А. Альквист обособить центральную мерю может иметь под собой определенные основания.

Миграции меры на север, когда бы они ни начались, определенно осуществлялись по разным путям, при этом мера могла подселаться к ранее переселившимся на север родственным племенам марийского типа и к своим прямым мерянским родичам, которые уже освоили северные края. В массовом исходе на север могли участвовать и марийцы, которые в свою очередь подселялись как к своим ранее переселившимся родичам, так и мерянам. Если принять эту схему, многое в запутанной истории с северными мерянами становится ясным. Для удобства составим таблицу, в которой объединим наиболее убедительные данные о наречиях ярославских, или центральных, (Ц), и костромских (КК) мерян, обитателей Вологодского (В), Среднеустьянского (СУ) и отдельно Важско-Устьянского (ВП без СУ) микрорегионов, а также по марийскому языку (МЯ). Отдельной графой дадим сведения о *Синих Камнях* с введением количественного показателя: единичные (+) и множественные (++) фиксации.

		<i>Синий Камень</i>	<i>-бал -бол</i>	<i>Вёкса</i>	<i>-курга</i>	<i>-енгарь -ингирь -энгер</i>
ИМЗ	Ц	++	+	+	—	—
	КК	+	+	+	+	+
РС	В	+	+	+	—	—
	СУ	++	+	—	+	+
	ВП (без СУ)	++	+	—	—	—
МЯ		—	—	—	—	+

Таблица позволяет сделать ряд выводов, часть которых, разумеется, небесспорна и потребует дальнейшего обоснования.

1. Центральная и костромская мера по языковым показателям значительно различались. Костромская мера была ближе к марийцам, что обусловлено ее географическим положением. Возможно, костромской диалект меры был переходным от мерянского языка к марийскому или испытал влияние со стороны марийского языка, поскольку есть предположение о том, что костромская мера вторична по отношению к центральной [Рябинин 1986: 118]. В связи с этим полезно вспомнить и слова А. Альквист о том, что близкая к марийцам группа меры вполне могла заселять часть Костромского края [Альквист 1997: 33].

2. Вологодская мера имеет те же языковые характеристики, что и центральная. Она вторична по отношению к центральной мере, будучи связанной с ней надежным водным путем по Шексне. Топонимические параллели с КК (ср. оз. *Чухлома* и р. *Кондоба* на вологодской территории и оз. *Чухломское* и р. *Кондоба* в КК), конечно, могли возникнуть в мерянских диалектах независимо друг от друга. В то же время нельзя отрицать возможность миграции каких-то групп костромской меры на вологодскую территорию. В этом отношении особенно интересны вологодский гидроним *Шингарь* (басс. Сухоны) и костромской *Шингарь* (басс. Костромы), верховья которых сходятся. Поскольку форманты *-енгарь* и *-ингирь* часто перерабатывались на русской почве [Матвеев 1996: 11] и это сопровождалось изменениями в исходе топоосновы, допустимо восстановление формы **Шимингарь* "Черная речка". Это предположение

подтверждается тем, что один из истоков вологодского *Шингаря* называется *Черный Шингарь*. Видимо, костромские меряне хорошо знали и прямой короткий путь между Костромой и Сухоной.

3. Среднеустьянская мера по языковым характеристикам близка к костромской, и может рассматриваться как вторичная по отношению к ней.

4. Важско-устьянский ареал (без СУ) при наличии целого комплекса марийских этимологических параллелей характеризуется только одним мерянским индикатором *-бал*, и в то же время полным отсутствием важнейшего марийского индикатора *-энгер* "река".

5. Поскольку ареал *Синих Камней* и перенесенные названия *Ростово-Устья-Которосль* выходят за пределы СУ и характерны для всей территории ВП, их следует считать внеязыковыми (по отношению к мере) индикаторами ВП. По этим параметрам вся зона ВП связана с центральной мерей.

6. Марийский язык по рассматриваемым показателям объединяется только с КК и СУ наличием общего детерминанта *-енгарь ~ -ингирь ~ энгер*.

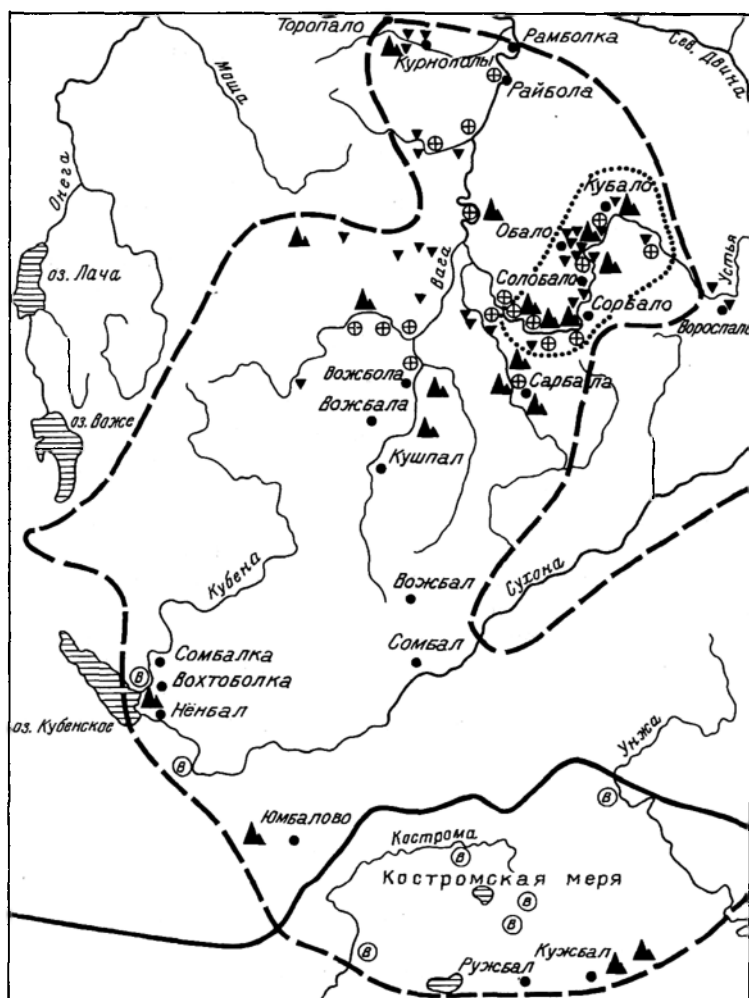
Разъяснений требуют противоречия, которые наблюдаются в ареалах ВП и СУ, тем более, что они соотносятся как целое и его часть. Эти противоречия можно снять, только признав, что мерянские элементы СУ двухслойны (фактически они, конечно, многослойны) и образуют два хронологически различающихся ареала: более широкий (ВП, включая СУ) образован переселенцами из микрорегиона центральной меры (на это указывают переносы названий, *Синие Камни*, названия на *-бал*, *-бол* и т.п., которые, однако, в зоне СУ могут принадлежать и другой группе мерян – среднеустьянской, возможно, *Едьма*), а меньший (СУ), находящийся внутри ВП (см. карту), связан с КК (*-бал*, *-бол* и т.п., *-курга*, *-енгарь*). Их относительную хронологию определить непросто¹¹, но следующее соображение позволяет думать о том, что ареал ВП древнее: зона СУ имеет предельно четкие границы и хорошо сохранившиеся формальные типы, что обычно бывает при сравнительно поздних миграциях, а зона ВП размытые границы и разрушенные формальные типы.

Особняком стоит вопрос о волжско-финских (мерянских, марийских или иных) элементах в топонимии Белозерья. Неподтвержденные фактами соображения о существовании мерянских названий в Белозерском крае находим у А.И. Попова [Попов 1948: 166–167]. А. Альквист опять же без конкретизации указывает на большую общность в ойконимии центральных мерянских земель с Белозерским краем, чем с названиями бассейнов более северных рек [Альквист 1997: 28].

Из конкретных этимологических наблюдений представляет интерес обнаруженная А.В. Кузнецовым в Вытегорском районе Вологодской области мерянско-вепско-русская метонимическая калька *Шимозеро* (марийск. *шим* "черный" = вепс. *Must hound* = русск. *Черная Яма* [Кузнецов 1991: 82–84]). Звучащее вполне по-мерянски название реки *Шимакса*, *Шимокса* [Муллонен и др. 1997: 3] в бассейне р. Свирь (а это уже Ленинградская область) усложняет вопрос, выводя его на севернофинский уровень. Широкое распространение основы *шим-* на РС (*Шима*, *Шимпала*, *Шимушка* и т.п.) подтверждает это. Напротив, еще одна метонимическая калька на территории ИМЗ в бассейне Клязьмы, образованная названиями смежных рек *Шимахта* и *Черная* [Смолицкая 1976: 203], вполне может быть связана с мерянским источником.

Волжские элементы в топонимии Белозерского края практически не выявлены и еще ждут своего исследователя. Пока же можно констатировать, что по топонимическим данным некоторые группы мерянского населения ИМЗ (включая КК) проникали на территорию юго-восточной части РС, ограниченную с севера примерно линией Кубенское озеро – верхнее (возможно и среднее) течение Ваги – бассейн Устья – Сев. Двина, и осваивали ее. По-видимому, этот процесс происходил посте-

¹¹ Правила ареалов здесь неприменимы, поскольку мы имеем дело не с инновациями, а суперстратными явлениями.

пенно, волнами, охватывая в разное время различные микрорегионы ИМЗ и РС. Начало его определить трудно, возможно, оно относится ко второй половине I тыс. н.э., завершение – к середине истекающего тысячелетия. Недостаток фактов не позволяет с определенностью судить о направлениях движения, хотя можно думать о двух основных потоках: из земель центральной (ростово-ярославской) мери к Кубенскому озеру, а затем по Сухоне или Кубене к истокам Ваги и Устье и из КК через Сухону к Ваге или Кокшеньге и опять же к Устье. Может быть, процесс освоения этого второго пути отражен в появлении названий *Вожбал* и *Вожбола* (два топонима), расположенных почти строго по линии юг – север в бассейнах Сухоны и Ваги.

Вопрос об участии собственно марийцев в освоении РС имеет две стороны – лингвистическую и историческую. Судя по корпусу топонимических этимологий и фиксации в ВП коллективного прозвища *черемисы* (если оно относилось к мари),

марийцы могли принимать участие в освоении Севера и, в частности ВП. При этом, однако, возникает ряд трудноразрешимых вопросов, например, как увязать с возможным марийским переселением на территорию ВП перенос названий в эти места из микрорегиона центральной мери или почему типичный марийский детерминант *энгер* вообще не засвидетельствован на территории ВП (кроме СУ) и т.п. Напротив, такие вопросы находят ответ, если принимается тезис о мерянских миграциях на север и предположение о том, что мерянский язык при всех его внутренних диалектных различиях был наиболее близок к марийскому.

Не меньше трудностей возникает, если попытаться увязать предполагаемые марийские миграции на РС с уже известными фактами средневековой истории мари. Формирование этого народа происходило на территории между Ветлугой, Вяткой и Волгой, тесные экономические отношения завязались прежде всего не с северными, а с восточными соседями – волжскими болгарами [Голубева и др. 1987: 109, 115], затем татарами, переселенческие потоки направлялись также прежде всего на восток. Неизвестны и какие-либо данные о передвижении значительных групп марийцев в северном направлении. Все это вынуждает относиться к предположению о миграциях марийцев на РС с большой осторожностью.

Но вопрос действительно очень сложен. Смешение миграционных потоков, имеющих разное происхождение, различные районы и время исхода, многократные переселения и подселения отдельных групп мерянского происхождения в одни и те же микрорегионы создали на территории южной части РС очень сложную мозаичную и многослойную картину, в которой свое место должны еще найти прибалтийские финны, саамы, древние пермяне, а возможно, и носители языка севернофинского (волжского?) субстрата. Нужны новые исследования и новые доказательства. Однако вряд ли целесообразно отрицать сам факт проникновения мерян в южные районы РС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты 1952 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. I. М., 1952.
- Альквист Арья* 1996 – Загадочные камни Ярославского края // Congressus Ostavus Internationalis Fennougristarum, Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars VII. Litteratura, Archaeologia & Anthropologia. Redegerunt Heikki Leskinen, Risto Raittila, Tonu Seilenthal, Jyväskylä, 1996.
- Альквист Арья* 1997 – Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. № 6.
- Васильев Ю.С.* 1979 – Аграрные отношения в Поморье XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979.
- Веселовский С.Б.* 1974 – Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Галкин И.С.* 1991 – Кто и почему так назвал: Рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола, 1991.
- Голубева Л.А. и др.* 1987 – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Гордеев Ф.И.* 1983 – Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола, 1983.
- Грузов Л.П.* 1964 – Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964.
- Грузов Л.П.* 1969 – Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
- Даль В.И.* 1955 – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955.
- Иванов И.Г.* 1978 – Топонимические этюды (о названиях некоторых райцентров Марийской АССР) // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978.
- КБЧ 1950 – Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.
- Кузнецов А.В.* 1991 – Язык земли Вологодской. Архангельск, 1991.
- Кузнецов В.В.* 1982 – Местные географические термины в ойконимии Марийской АССР (структура ойконимов и происхождение формантов) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1982.
- Кузнецов В.В.* 1985 – Названия населенных пунктов Волжского района Марийской АССР (историко-этимологический анализ) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985.
- Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* 1970 – Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Матвеев А.К.* 1974 – К этимологии коми-зыр. *вис*-(*виск*-) // ALH. Т. 24 (1–4). Budapest, 1974.
- Матвеев А.К.* 1978 – Топонимические этимологии. XI. Название озера *Неро* // Советское финно-угроведение. 1978. № 1.
- Матвеев А.К.* 1984 – Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984.

- Матвеев А.К.* 1985 – К составлению формализованной картотеки топонимов Свердловской области // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. Вопросы ономастики. Вып. 17. Свердловск, 1985.
- Матвеев А.К.* 1986 – Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.
- Матвеев А.К.* 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.
- Муллонен И.И. и др.* 1997 – Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- Попов А.И.* 1948 – Топонимика Белозерского края // Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948.
- Попов А.И.* 1965 – Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965.
- Попов А.И.* 1974 – Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия (сборник статей). Л., 1974.
- Рябинин Е.А.* 1986 – Костромское Поволжье в эпоху средневековья. М., 1986.
- Смолицкая Г.П.* 1976 – Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- СРНГ 1972 – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 –. Л., 1972 –.
- Kalima J.* 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. XLIV. Helsinki, 1919.
- Kalima J.* 1927 – Syrjänsches Lehngut im Russischen // FUF. XVIII. Helsinki, 1927.
- Paasonen H.* 1948 – Ost-Tscheremissisches Wörterbuch. LSFU. XI. Helsinki, 1948.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1978.